

Осенний дождь надоедливо барабанил по железному подоконнику.

– Очей очарованье! – проснулся вдруг висящий на стене репродуктор, потом хрюкнул и замолк.

– При чём здесь Пушкин? – подумал я, бессмысленно таращась в мутное окно. – Какое, к чёрту, очарование? Нет. Осень в промзоне вызывает не грусть, а депрессию.

И на что тут смотреть-то? Чем бы очи пленить?

Серый бетонный забор. Под ним ржавеют всяческие не нужные производству железяки. Чёрные асфальтовые дорожки. Мокрый песок. Несколько газонов с пожухлой травой. И два полуоблетевших тополя перед парадным входом в контору.

Унылое осеннее воскресенье.

И я – сторож, кочегар и дворник по совместительству.

Местный домовый.

Только обитель моя не под печкой, а в подвале, рядом с кочегаркой. Две комнаты с тусклыми маленькими окошками под потолком. Почти как булгаковский Мастер, только он в подвале роман писал, а я от жизни прячусь.

Дождь. Мокрый песок. Серый бетонный забор. Безликое здание.

Появившийся ниоткуда человек в белом балахоне испуганно огляделся:

– Куда меня занесло?!

Красивый машинально шагнул в сторону от точки материализации.

Б-р-р...

Стаять босиком на мокром холодном песке – удовольствие ниже среднего.

– Как бы не простудиться, – подумал незадачливый путешественник. – Я же не рассчитывал, возвращаясь домой с жаркого Алийского пляжа, попасть под холодный осенний дождь.

Ну, что там у нас? Где я напортачил?

Путник внимательно рассматривал чёрный рисунок на мокрой белой тряпице.

Ага! Один завиток на транспортном Знаке не дорисован.

Красивый достал из мешочка на поясе склянку с несмываемыми чернилами и футляр с кисточкой, быстро дорисовал загогулину.

Сунул письменные принадлежности на место и забормотал активирующее заклинание.

Домой! Домой!

В горячую ванну.

Порыв горячего ветра дунул путнику в спину, подхватил под локти и понёс домой.

– Подождите!

Я протёр глаза.

– Да не может такого быть. Люди не появляются ниоткуда. И не исчезают неизвестно куда.

Я не в сказке живу и не мире фэнтези с магическими порталами.

В мокрое осеннее воскресенье в промзоне большого сибирского города не полагается появляться неизвестно откуда и исчезать в никуда, да ещё с босыми ногами.

Я обнаружил, что стою перед тем местом, где случилось непонятное и тупо таращусь на отпечатки босых ног, а за воротник свитера – куртку я впопыхах не надел – капает холодная влага с неба.

2.

Громко зазвонил древний телефон.

Этот реликт из чёрного эбонита я когда-то нашёл на нашем складе. Однажды завкладом решила с полную инвентаризацию вверенного ей имущества, тогда и всплыл из складских глубин довоенный агрегат. Она хотела выбросить чудо техники на помойку, но я выпросил его для себя.

Телефонную пару в кочегарку давно пробросили, но аппарат пропил мой предшественник, а на новый у завхоза вечно денег не было, так что вполне исправный старинный телефон оказался очень кстати.

Я вздрогнул от металлической трели и поспешно снял чёрную эбонитовую трубку.

– Алло!

– Привет, – сказал знакомый голос.

– Здравствуй, – удивлённо ответил я. – Какими судьбами? Как ты меня нашла?

– Мир не без добрых людей, – вздохнул голос. – Паша помог.

– Ух, я бы этого Пашу! Болтун несчастный!

– Он и не хотел говорить, – заверил меня голос. – Я долго-долго его уговаривала. Плакала.

– Понятно, – я вздохнул. – Пашка женских слёз не выносит. Но я тебе, зачем понадобился? Ведь целый год уже прошёл. Расстались – так расстались. Что вдруг вспомнила?

– Я хочу тебя видеть, – сказал голос. – Мне плохо, очень плохо.

– Э, нет, – запротестовал я. Там, где-нибудь рядом с тобой обязательно окажется твоя маман с хищным взглядом. И меня опять будут учить, как жить правильно и зарабатывать много денег, – последние слова я произнёс тоном старой ворчливой учительницы.

– Мамы нет, – вдруг всхлипнул голос. – И Тимошка! Братик... Разбились в самолёте.

Голос рыдал в трубке.

– Мне плохо. Помогите мне, пожалуйста. Я тебя очень-очень хочу увидеть!

– Погоди, погоди, – я лихорадочно начал соображать.

Решение было только одно. Раз территорию я покинуть не могу, то сеанс психотерапии придётся проводить, не отходя от кочегарки.

– Сей секунд я к тебе приехать не могу. Работаю. И заменить меня некому – я тут один парюсю.

– Но что же делать?! – застонал голос. – Я умру, если тебя сегодня не увижу!

– А вот что сделаем. Бери тачку и приезжай. Раньше девяти утра ни одна собака сюда носа не покажет. Посидим, поговорим не торопясь.

3.

Я беспокойно сплю по ночам.

Шестилетняя служба по контракту в «горячих точках» наградила меня звериной чуткостью. Хорошо, хоть сплю без кошмаров.

Я три года проучился в ПТУ, которое держало первое место в районе по количеству наркоманов и юных алкоголиков. Выстоял. Не опустился, не упал на дно, не пошёл «топтать зону» вслед за доброй половиной моей группы. Я уже тогда рисовал. Хватался за фломастер, за карандаш, шариковой ручкой что-то выводил в конце толстой тетради по спецтехнологии. И заодно закалил психику. Какая разница, кто перед тобой – одуревший от гашиша «моджахед» или сосед по парте с остекленевшими от дозы героина глазами, который ради шутки хочет слегка порезать тебя опасной бритвой?

Так что кошмары мне не грозили, но сплю я всё-таки чутко.

Проснулся и не сразу понял, что меня разбудило.

Ага! Это всего лишь спящая рядом женщина. Бывшая любимая, бывшая почти жена.

Маргарита с кем-то разговаривала во сне. Её голос и вырвал меня из чужой реальности. Я включил ночник, закурил, размышляя об увиденном и услышанном. Сон запомнился как отрывок нечаянно подсмотренного любительского фильма.

4.

Маленький дуكان на углу Сардарского рынка. Хозяин заведения выставил на улице столики под большим белым шатром. Очень уютное и спокойное место. Я сижу, пью превосходный кофе из маленькой глиняной кружки, облитой синей глазурью, перемежая глоток кофе глотком ледяной воды из запотевшего высокого стакана. Автомат висит на спинке соседнего стула.

Напротив меня сидит человек, очень похожий на меня, но не совсем. Скорее мой идеализированный, улучшенный вариант. Вот если б я не пил, не курил, вёл здоровый образ жизни... Но мне наплевать – я себе и такой нравлюсь.

Человек отказался от кофе и попросил принести стакан ледниковой воды. Он медленно пьёт из высокого запотевшего стакана.

– Эта, якобы ледниковая, вода сейчас делается в холодильнике, – насмешливо говорю я. Кофе выпит, делать под большим прохладным шатром мне совершенно нечего. Но так не хочется выходить на раскалённую шумную площадь перед рынком.

– Наплевать, – человек допивает воду и ставит стакан в центре стола. – Где тебе хозяин

воду с ледника возьмёт, если дороги Эмиром перерезаны? Холодно – и ладно.

– Ну, что мой друг, – его голос вдруг стал строгим, как у учителя, отчитывающего ученика за плохо вымытую доску. – Ты меня уже утомил. Четыре раза я спасал тебя от смерти.

– Три, – неожиданно вырвалось у меня.

– Четыре, – возражает мой улучшенный вариант. – У нас всё точно. О четвёртом разе ты просто не подозревал. Маленькая такая опухоль в мозгу...

– Слушай, а ты кто? Что тебе нужно от меня? Я только-охранника не нанимал!

Наверное, я был груб, но наплевать! Благодаритель нашёлся на мою голову!

– Я твой ангел-хранитель, – изрекает вдруг мой собеседник.

Хорошо, что я кофе уже выпил, иначе точно бы поперхнулся от удивления.

– Мне от тебя ничего не нужно.

– Ну-ну... – было бы кому верить.

– Почти ничего, – уточняет самозванный ангел.

То-то он такой прилизанный! – размышляю я, – идеальное существо. Ничего не подделаешь – приходится соответствовать.

– Если ты найдёшь своё место мире, то моя миссия будет окончена, и я смогу вернуться к своим делам. Надоел ты мне, честно говоря. Мямля интеллигентская. Будущей тёщи испугался – лишился любимой женщины. Здесь-то ты зачем нужен? Что забыл? Сбежал?

– А тебе какое дело? – огрызаюсь я.

– Сбежал, – твёрдо говорит райский житель. – Удрал от настоящей жизни. И вообще, какой-то ты нездешний. Вот и бежишь, незнамо куда.

– Ну да, неместные мы, издали приехали, – ехидно отвечаю я, но мой заряд пролетает мимо ангельских ушей.

– Ты не от мира сего, – продолжал говорить ангел, как ни в чём не бывало. – Ты чужой здесь, в этом мире, – уточнил он. – Я сам не сразу это понял, когда разбирался с твоими нескладушками.

Я понял, что он меня почти не слышит – тарабанил заученный текст, реагируя только на конкретное обращение.

– Здесь тебе места нет! – торжественно объявил ангел. – Сгинешь без толку – и тогда неважно, как ты умрёшь. Сгодится любая причина. Например, тоска по несбывшемуся.

– Дать тебе по рогам, что ли, божественное создание? – я уже кипел от злости. – Пророк нашёлся! Лучше бы выход подсказал! Давишь на психику и давишь, так и хочется тебя заткнуть.

– У тебя есть шанс, – невозмутимо сказал он. – Помнишь странного мужика, который у тебя во дворе сегодня появился?

– Ну?

Вот на этом месте я понял, что вижу сон.

– Это один из Ходящих между Мирами. Я сумел так исказить реальность, что несколько из них ошибутся в написании Знаков и упадут к тебе на двор. Жди гостей!

– И что же я должен делать, если ко мне заявится, как ты говоришь – Ходок?

Ангел пожимает плечами:

– Либо уговори взять с собой, либо запомни Знак Перемещения и сам нарисуй. Ведь

ты же художник. Но учти, у тебя ещё две попытки. На большее моих сил не хватит. Не сумеешь – твоя судьба будет определена навсегда. А я тебя покину...

Тут забормотала во сне соседка по постели, и я вернулся в тотчас опротивевшую реальность.

Маргарита убежала в половине восьмого утра. На прощание она подарила мне сочный поцелуй и недвусмысленно обещала навещать.

Я вздрогнул и мысленно перекрестился: «Не дай Бог! Бежать отсюда и как можно быстрее, а то захомятуют и в стойло».

Мой «рабочий день» заканчивался в девять утра. Пока контора работала, и здание наполняли разговоры, звонки телефонов, хлопанье дверей, а котел исправно топил, я был совершенно свободен.

Знакомый водитель подбросил меня до центра города, поближе к художественным лавкам.

Загруженный пачкой бумаги, рулончиком белого натурального шёлка и – о радость! – настоящей китайской чёрной тушью и набором кисточек я вернулся в контору только после обеда.

Всё! Теперь я готов к встрече с Ходоками.

5.

Трактир всегда остаётся трактиром.

И пусть вместо стойки и буфета с напитками что-то пузырчатое в крапинку, а столы со стульями плавают в редком зеленоватом тумане. Даже если за соседним столиком сидят очень странные субъекты, которые неприятно пахнут и непонятно разговаривают.

Ну и что.

Это не мешает встрече старых друзей, когда они захотят неторопливо поговорить о делах за рюмкой, кружкой, бокалом или другой ёмкостью, в которую расторопный трактирщик плеснёт приятного напитка.

Как не помешало соседство шумных Шерстолапых четверым существам вполне человеческой наружности, которые неспешно расслаблялись в дальнем углу заведения.

Они с детства держались вчетвером. Когда выросли, встречи стали гораздо реже, у каждого своя жизнь, дела, карьера, но друг о друге всё-таки никогда не забывали. Красивый, Умный, Маленький и Аналитик – друзья прекрасно обходились без имён и титулов.

Каких только дел не проворачивала бешабашиная компания молодых Ходоков! Озорничали, не без этого, но и на выручку терпящим бедствие приходили не раз, спасателям немало помогали.

А сегодня у каждого нашлось немного времени, чтобы просто посидеть с друзьями, поговорить за жизнь.

Кто из них завёл разговор о точности написания знаков, так и не вспомнили, но первым забавный случай рассказал Красивый, когда его, после жаркого курорта, ошибка в Знаке забросила прямиком в позднюю дождливую осень незнакомого мира!

Он показал им это место, и Маленький воскликнул:

– Да я же там был!

– С вечеринки возвращаюсь, – он стал вспоминать, рисуя быстрыми жестами свою

картинку. – И вдруг, что такое?! Холодно, мокро, и абориген ко мне бежит, руками размахивает, орёт что-то неразборчиво. Ну, я испугался, аварийный Знак активизировал и удрал.

– И я этого мужика знаю, – неожиданно сказал Умный. – Он хотел мой Знак срисовать.

– Ну а ты? – спросил Аналитик.

– Генератор силового поля почему-то сработал, – уныло пояснил Умный. – Я с игры возвращался в полном доспехе, «скорлупа» посчитала его потенциально опасным и не подпустила. Да и торопился я. После матча расслабиться хотел.

– Что-то здесь не так, – безапелляционно заявил Аналитик, обводя взглядом друзей. – На случайность это уже не похоже.

– Действительно странно, – сказал Красивый. – Чтобы трое Ходоков так ошибались, чтобы попадать в одно и то же место...

– Кто-то под локоть толкал, когда мы Знаки рисовали, – добавил Маленький

– Надо там побывать, – решил за всех Аналитик. – Кто-то явно привлекает наше внимание к тому месту.

– Или к человеку, который Маленького напугал, – улыбнулся Умный.

– Подумаешь, – отмахнулся тот. – Я думаю, это был местный сумасшедший.

– Как рисуется Знак, помните? – спросил Аналитик.

– Ну, втроём, как-нибудь нарисуем, – задумался Красивый. – Наверное.

– Я помню, – уверенно произнес Умный. – Там одна переменная менялась в координатах Выхода.

– Ну, тогда... – начал Аналитик.

– Вперёд! – рявкнули друзья.

Шерстолапые испуганно заблеяли, подхватили свой столик и поспешили убраться подальше от опасных и непредсказуемых сапиенсов.

6.

Сон-то оказался в руку. Ещё два раза из ниоткуда появлялись мужики в странных одеждах. И обе попытки бездарно провалили. Лучшее мне бы этого ничего не знать. Не входить в искушение. А сейчас – что, как, зачем? Куда бедному крестьянину податься?

Что же, ждёт меня пустая серая жизнь, от которой уже нечего ждать?

Я уронил тлеющий окурочок на мокрый песок. Остap Бендер, когда потерял миллион, пошёл в управдомы. А я?

Поманили конфеткой, посулили золотые горы и готово дело – купился мальчик, с потрохами продан. А когда обломались его надежды на светлое будущее, сразу в депрессию впал, смысл жизни потерял.

Накось, выкуси, господин «ангел-хранитель»!

Ты обещал мне беспросветную тусклость бытия?

Не дождёшься!

Художник – сам себе хозяин. И не мне ли самому выбирать – в серости мне жить, или в разноцветном мире? И не поддаваться на посулы всяких там всемогущих!

Я достал очередную сигарету, наклонился, закуривая от спрятанной в ладонях зажжённой спички.

Но не успел сделать первую затяжку, как неожиданный порыв горячего сухого воздуха загасил огонёк.

Я поднял голову и забыл о незакуренной сигарете.

В трёх метрах от меня, на том самом месте, где я видел Ходоков, стояла четвёрка мужчин в странных переливающихся одеждах. Такие костюмы обожают постановщики средненьких фантастических фильмов. Трое из них здесь уже побывали. А четвёртого – высокого темноволосого субъекта – я видел впервые.

– Наш, – уверенно сказал незнакомец, обращаясь к своим спутникам, внимательно меня рассмотрев. Его густой голос гулко раздавался внутри моей головы. «О! – подумал я. – А я в телепатию не верил!».

– Но он не Ходок, – продолжил незнакомец. В нём чувствуется кровь Творцов.

Первый визитёр негромко кашлянул и подтвердил:

– Линия Кора. Он третий наследник клана. Душеприказчики считали, что он умер.

– Думаешь, та парочка сильно обрадуется новому претенденту на сокровища Пятой планеты? – иронично спросил малый, которого я, торопыга несчастный, в своё время нечаянно напугал.

– А кто их будет спрашивать? – резонно заметил черноволосый.

И тут я не выдержал. Что я им экспонат что ли?

– Ничего, если я тут рядом с вами постою? – совершенно невинно спросил я.

Гости явно смутились.

– Извини, – сказал четвёртый. – Мы и предположить не могли, что на захудалой планете случайно отыщется неизвестный Творец.

– Идём с нами, – предложил первый.

– Тебя ждут почёт и богатства Кор, – подхватил второй.

– Тебя искали много лет, – продолжил третий, к которому я так и не смог подойти. Но я надолго запомнил его удивлённые глаза. – Эта жалкая горсть камней недостойна, чтобы её топтал наследник знаменитого клана.

Сначала я подумал, что схожу с ума – они разговаривали с интонациями героев какого-то сериала – торжественно-напыщенные, высокомерные, гордые своей миссией. Но всё же я едва не сломался, не поддался искушению. Богатство, почёт, лёгкая необременительная жизнь. Возможности, грани которых я и представить не могу. Эх, если бы это случилось вчера! Пошёл бы как мышь за куском сыра, только так польстился бы на их посулы.

Но это вчера мне было так плохо, что хоть волком вой. Я так и не смог заснуть. Выкурил почти три пачки сигарет, горло до сих пор саднит от дыма. А потом я всё понял.

7.

Они манили меня, звали за собой, но я вдруг вспомнил, как душманы разбрасывали в городах мины-ловушки. То в виде игрушки, то как большие конфеты. У нас несколько чело- век во взводе стали калеками, когда поднимали их с земли. И мне резко расхотелось покидать Землю.

– Нет, господа, – решительно сказал я. – Отправляйтесь-ка вы восвояси. Я остаюсь. Это

для вас моя планета лишь грудка камней, а я здесь живу и никуда лететь не собираюсь.

Минут пять у нас длилась дискуссия. Они мне о том, что там, на небесах, всё клёво и жизнь ключом бьёт. А я отвечал, что мне своё болотце дороже, а жизнь ключом обычно бьёт по голове. И вообще бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

– Но ты же сам нас позвал! – в отчаянии воскликнул черноволосый. – Иначе мы бы здесь и не появились. Делать нам больше нечего в этом захолустье.

– Я вас не звал. Мало того, до появления вот этого господина я о вашем существовании и не подозревал.

Пришлось поведать им о моём сне с ангелом-хранителем.

– Ищите там, у себя, кому я понадобился. И вообще, вам самим какая выгода меня отсюда вытаскивать?

– А никакой, – разозлился четвёртый. – Нас попросили о помощи. Мы пришли, а ты передумал.

– Простите, великодушно, – воскликнул я. – Но я действительно передумал уходить с этой планеты.

Они быстро переговорили между собой на незнакомом мне языке.

– Хорошо, – сказал четвёртый. – Время дорого, нам пора уходить. Хочешь оставаться, так оставайся. Только позволь оставить тебе Знак Перехода.

Он протянул мне маленький белый сверток.

– Теперь о тебе знают, и всегда будут ждать твоего возвращения, – он улыбнулся. – Всё-таки ты мог бы стать большой шишкой.

Я вынул свёрток из его ладони.

– Спасибо, вот стану на этой планете большим человеком, тогда и поговорим.

– Будь счастлив.

Четвёрку Путников стёрла гигантская кисть.

Знак был начерчен чёрной тушью на куске белой ткани, похожей на шёлк. Всё как описывал ангел-хранитель. Я улыбнулся и достал зажигалку.

Ткань мгновенно вспыхнула, и я бросил её на песок.

Какое-то время, когда шёлк уже сторел, Знак Перехода чернел на песке. Но я безжалостно стёр сложный иероглиф носком ботинка.

Пусть лучше не будет путей к отступлению.

А слабо Творцу сотворить собственный мир?

Я закурил очередную сигарету и пошёл собирать вещи.

– Домовым я уже поработал, пора пере- квалифицироваться в свободные художники.